

- Палкина Р.А. Каинчин Дибаш Берукович // История алтайской литературы. Книга 2. Литературные портреты. Горно-Алтайск, 2004.
- Проблемы современного сравнительного литературоведения. М., 2004.
- Теконова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2012.
- Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Храпченко М.Б. Типологическое изучение литературы // Проблемы типологии русского реализма. Размышления о системном анализе литературы. Пути историко-литературных исследований. Собр. соч.: в 4-х тт. М., 1982. Т. 4.
- Шастина Т.П. Поэтика авторского перевода рассказа Дибаш Каинчина «Изгородь» // Перевод тюркских литератур Сибири. Горно-Алтайск, 2005.
- Шляховая Н.М. Социальная характерность и духовная самобытность // Актуальные проблемы современной алтайской литературы. Горно-Алтайск, 1995.

Список источников

- Каинчин Д.Б. Изгородь // «Дома я, дома...». Горно-Алтайск, 2010.
- Каинчин Д.Б. Чеден // Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.
- Каинчин Д.Б. Эрдин эреени – эки...// Карган тыт. Горно-Алтайск, 1994.

РЕКИ АЛТАЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ: МИФОПОЭТИКА И СИМВОЛИКА¹

Е.А. Худенко

Ключевые слова: река, мифопоэтика, символика, Катунь, Бия, гидронимы.

Keywords: river, mythopoetics, symbolism, Katun, Biya, hydronyms.

Важнейшими из гидронимов, связанных с территорией Алтайского края и Горного Алтая, являются прежде всего Бия, Катунь и Обь. В произведениях поэтов и писателей, родившихся на Алтае, а также пишущих о нем, неизменное внимание уделяется водным «артериям» региона. С ними связано не только огромное количество легенд и преданий, но и любопытная фольклорно-мифологическая и индивидуально-авторская символика. В рамках данной статьи мы остановимся в первую очередь на образах Бии и Катунь, так как наибольшее семиотическое поле смыслов связано именно с ними.

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004

Легенда о реках Бия и Катунь известна очень давно. Она основана на этимологическом значении названий двух рек. Бия (Бий) – в переводе «правитель, властелин», Катунь (Кадын, Катыг) – «принцесса, госпожа» [Легенды, 2008]. Катунь берет свое начало с самой высокой горы Алтая – Белухи, а Бия – из Телецкого озера (Золотое озеро, озеро Алтын-кель). Место их соединения образует крупнейшую реку Западной Сибири – Обь. Легенда существует в двух основных вариантах: 1) любовно-романтический – связан с соединением пастуха (охотника) Бия и прекрасной дочери хана по имени Катунь; 2) семейно-родовой, когда обе реки сливаются в одно русло как старшая (Бия) и младшая (Катунь) сестры. При этом в легендах о великих реках Сибири часто отражается разный цвет вод и характер течения рек, подчеркивается, что воды Бии на протяжении всего русла реки остаются светло-зелеными, прозрачными, тогда как Катунь – река мутная, своенравная, очень шумная, с водами темно-зеленого цвета.

Реки Алтая, несомненно, связаны с фольклорно-мифологической, прежде всего ритуальной и этнографической символикой. Так, по указанию исследователя Н.А. Тадиной, «река, как любой природный объект, обладает тремя признаками: одухотворена (тынду), имеет хозяина (ээлү), почитаема (байлу)... Река по-алтайски называется «суу» [Тадина, 2007, с. 152]. Фольклорная традиция предполагает существование большой Мировой реки (по аналогии с Мировым деревом), и такой большой – мировой – рекой называется Обь, сравниваемая в алтайских сказаниях с «океаном», слияние же рек Бия и Катунь образует «море» (талай) [Тадина, 2007, с. 153].

В древних поверьях на реке-океане держалась земля (в том смысле, что единая сеть всех рек образовывала Землю), двигаться против течения реки считалось дурной приметой, а пережить смерть кого-либо из родственников, падеж скота или др. несчастье можно было, переехав на другую сторону реки. Н.А. Тадина указывает, что «по отношению к одухотворенной реке существует ряд предписаний: если река выходит из берегов и этим причиняет беспокойство, то ругать ее не принято, и наоборот, если река обмелела и не представляет препятствий, то пренебрегать ею не следует» [Тадина, 2007, с. 155].

В этническом плане река имела для алтайцев особое значение как для кочевых народов. Кочевники располагали свои аилы прежде всего вдоль русла реки, так как необходимы были луга для пастбищ и источник для питья. Вода становилась онтологически значимой мифологемой (наряду с огнем) и задавала такие мировоззренческие категории, как жизнь / смерть, богатство / нищета,

природное/культурное. Таким образом, именно ландшафт и образ жизни алтайцев определяли особенности этнического мышления.

Литературные образы Катуня и Бии, сложившиеся в отечественных текстах прошлого и нынешнего столетия, с одной стороны, в полной мере реализуют легендарно-мифологические смыслы этих рек, с другой – каждое произведение открывает нечто новое, индивидуальное в, казалось бы, уже устоявшихся представлениях.

Так, в двух очерках Г.И. Чорос-Гуркина «Алтай и Катунь» (1911), «Мой Алтай» (1917) река Катунь осмысляется автором как неотъемлемая часть общей мифологической концепции мира, где гора Хан-Алтай задает вертикальную, а великая Катунь – горизонтальную систему координат: *«И вот, среди этого могучего заколдованного царства, среди величественной природы, среди громад голубых гор, среди дремучих темных лесов, по нежным, благоухающим цветами долинам, по золотому дну Алтая, течет изумрудная река-красавица Катунь. Глубоко врзалась она в самое сердце Алтая и между ущелий извилась голубою лентой. Бурная, неугомонная, крепко прижалась она к груди великана и стремительно, с шумом, течет впереди...*

И нет, кажется, никакой силы, могущей остановить ее течение, нет преград ее стремлению и могучему бегу...» (Чорос-Гуркин, URL)¹.

В тексте Гуркина Катунь предстает как «символ вечной жизни, неустанного стремления вперед», с мифологической точки зрения – это порог (пояс), выполняющий медиаторную функцию между верхом и низом. Воплощая архетипическое женское начало, Катунь нежно и крепко прижимается к груди могучего Алтая, своего возлюбленного. Такую необычную реплику создает Чорос-Гуркин по отношению к традиционным алтайским легендам. Одновременно – это и текстовая автореплика к собственным более ранним живописным полотнам «Катунь весной» и «Хан Алтай».

Для автора важно, что Катунь, начавши свое движение с самой высокой горы Алтая – Белухи, так и не расстается с горами. Как отмечает исследователь И.А. Бедарева, «и Река и Гора – основные мифологемы Алтая – вместе на зрительном уровне создают ощущение разомкнутого пространства. Кроме того, эта мифологема функционирует в качестве варианта мирового древа» [Бедарева, 2011, с. 29]. Система координат Река-Гора базируется на том, что «гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

отражены все основные элементы и параметры космического устройства» [Мифы, 2000, с. 311].

В другом тексте Чорос-Гуркина «Мой Алтай», жанровая природа которого так до конца и не определена исследователями, образ Катуня возникает только в финале и становится символом протеста против «общественно-политических» и «кабинетно-деловых» мероприятий, ради которых, являясь членом областной Думы от Ойротской республики, был вызван в Томск Гуркин. Он страдает от чуждого ему пространства и чужих людей, от усталости, невостребованности себя как художника и взывает к Катуню как месту свободы и истинного творчества, желая совершить «побег». Весь текст окрашен пушкинскими мотивами, где реминисцентные смыслы позволяют соотнести «обитель дальнюю трудов и чистых нег» именно с Алтаем и Катунью.

В рассказе В.Я. Шишкова «На Бии» (1914) обозначенная в заглавии текста река предстает через разнообразные пейзажные зарисовки: это и «бушующие пороги красавицы Бии», и «гладь успокоенной реки», и новизна постоянно меняющихся картин: «когда идешь по незнакомой горной реке, никогда не знаешь, какую еще панораму она откроет тебе...» (Шишков, 2012, с. 299). Шишков подчеркивает панорамность и «картинность» открывающихся для путешественников видов, где основные «рамки» задаются традиционными для мифологии Алтая образами – рекой и горами, рекой и небом. Река и небо выстраиваются по отношению друг к другу по принципу зеркального отражения. Их близничная связь задана неантагоничными стихиями воды и воздуха, постоянно находящимися в круговороте.

Другая параллель «река – горы» носит у Шишкова, в отличие от Гуркина, конфликтный характер. Открытая борьба между каменными утесами и водными потоками представлена в рассказе в фольклорно-литературном ключе: «Горы свесились тут своими оголенными каменными глыбами и отвесной стеной ушли в воду, а река, торопливо обогнув «носулю» увала, бросилась на эту каменную грудь и, ударившись, рассыпалась белой пеной, захохотала, заискрилась под лучами солнца и понеслась дальше, волна за волной, опрокидывая по пути оборвавшиеся с утеса камни» (Шишков, 2012, с. 300).

Сюжет рассказа Шишкова строится по сказочной модели: путники, исследующие в научных целях глубины реки Бии, ее пороги и проходимость для судов, пускаются в путешествие за сладкими яблоками – диковинкой, невиданной тогда в условиях сурового сибирского климата. Путешествие по реке, вглубь леса и алтайской

тайги оказывается опасной авантюрой, в финале которой они вознаграждены не только алтайским чудом – яблоками, но и несколькими фунтами меда. За день они проходят около 17 верст, влекомые жадой встречи с неизведанным. Река Бия в этой сказочной схеме играет роль начала пути – точки начала испытаний для героев, она же знаменует метафору возвращения к истокам после духовной инициации, закольцовывая тем самым и архетипический сюжет, и идею рассказа.

Необходимо заметить, что наиболее ярко и полномерно образы Бии и Катуня воплотились в поэтических текстах. В начале двадцатого столетия реплику к известной легенде о двух реках дают два стихотворения П.А. Казанского (под псевдонимом К. Перфильев) – «Рождение Оби» (1914) и «Ночь на реке» (1916), текст Г.А. Вяткина «Катунь» (1917), опубликованные в газете «Жизнь Алтая» под редакцией Г.Д. Гребенщикова.

В стихотворении П.А. Казанского «Рождение Оби» реализуется семейно-родовой вариант легенды о двух реках, когда образы даны не как соединившиеся мужчина и женщина, а как «две странницы-сестры»: «*светловодная Бия*» и «*широкая, многоводная Катунь*». Стихотворение заканчивается воспеванием двух мощных рек, подаривших дары друг другу и не потерявших своего своеобразия в общем потоке, идущих от родных ледяных истоков – к новым холодным морям и океанам. Автором торжественно подчеркивается эта заданность их судьбы и покровительство Старика-Алтая:

*Друг другу принося дары,
Сошлись две странницы-сестры
В степи привольной, на просторе;
И, слив надежды и труды,
В угрюмый край, в седое море
Ушли искать родные льды
Широкой Обью многоводной.
И долго рядом в ней видна
Катуня мутная волна
С волною светлой и холодной*
(Казанский, 2012, с. 356).

В стихотворении Г.А. Вяткина «Катунь» волны реки сравниваются с «*бесчисленными конями*», не знающими отдыха (Вяткин, 2012, с. 339). Несомненно, такое анималистическое уподобление реализует одну из онтологических для тюркских народов мифологем – связь человека и лошади. «Ее значение в существовании

человека было настолько основополагающим, что в эпических сказаниях она называлась даже прежде имени ее владельца: *«На хлопкогривом темно-синем коне ездящий, / Могучий Козудей-Мерген – батыр был»* (цит. по: (Феофелаков, 2013, с. 19)). Это уподобление чаще всего основывается на визуальном изоморфизме речной волны и гривы лошадей, к которому добавляется быстрое ритмическое движение и коня, и горной реки.

Знаменитый советский поэт Николай Рубцов посвятил рекам Алтая две поэтические зарисовки, созданные в 1966 году во время его пребывания в этих краях, – «Шумит Катунь» и «Весна на берегу Бии». Исследователь А.И. Осипов указывает на то, что рубцовские элегии этой поры создают особый «алтайский текст» в его творчестве [Осипов, 2004, с. 83]. В этих стихотворениях явно видится влияние фольклорной и западноевропейской (античной) традиции – верование в то, что река становится началом Великого жизненного потока, она связана с категориями памяти/забвения и миром смерти.

Катунь у Рубцова – символ прошедших времен, ее воды несут историческую память о былом, омывают гробницы, идолов, башни, а птицы, кружащиеся над рекой, воспринимаются как знаки древней письменности – клинописи. Следует заметить, что метафорическая связь «вода-птица» относит нас к алтайской космогонии. Неизвестно, был ли знаком Рубцов с алтайским эпосом, однако легенду об Ульгене мог знать из устных рассказов местных жителей. Согласно этой легенде, *«когда еще не было ни неба, ни земли, был один Ульген. Он носился и как бы трепетал над безбрежным морем, распростершись, подобно нетопырю, и не имел твердого места, где бы встать. Тогда ощутил он голос внутри себя: «Алдында тут, алдында тут – впереди хватай, впереди хватай», – и произнес эти слова, а вместе с тем, простерши руку, схватил перед собой. И вот попался ему камень, высунувшийся из воды. Он сел на этот камень, продолжая произносить: «Алдында тут, алдында тут!», – и думал, что творить и как творить. Вдруг из воды выходит Ак-эне (Белая мать) и говорит: «Что придет тебе на ум творить, скажи только: эть-тым, пьютьты-деп – сделал, свершилось, так и будет». Сказав это, Ак-эне скрылась и более никогда никому не являлась. ...Ульген ощутил в себе мысль и произнес: «Э! Эрь пютсин, эрь пютсин! – О! Сотвори Землю, сотвори Землю!» – И Земля сотворилась»* [Сагалаев, 1992, с. 39].

Кроме того, в тексте Рубцова *«суровая река Катунь»* отсылает читателей ко временам воинственных скифов и грозного Чингисхана, воюющего со *«светлыми русскими деревнями»*. Это отсылка на самом деле соответствует действительности, так как найденные в долине реки

в 1956 году захоронения в Пазырыкских курганах (очень хорошо сохранившиеся из-за особенностей климата) – отнесены археологами к скифскому периоду (см. подробнее о связи алтайского и крымского скифских мифов: [Худенко, 2016, с. 350]).

Конечность всякой человеческой истории и культуры, а также ограниченность природной цикличности противопоставляются у Рубцова вечному шуму реки Катунь:

*В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные ашлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...*
(Рубцов, 2012, с. 514).

Эмоционально по-другому окрашено рубцовское стихотворение о Бие. Вечность исторического прошлого меняется здесь на время расцвета и обновления человеческой жизни – не случайно образ Бии связан у поэта именно с весной. Перечислительная интонация текста задает образ прорвавшейся полноводной стихии, все сметающей и все обновляющей на своем пути. «Бешеная Бия» соревнуется в реве со стадом быков. «Голубые небеса» в окрестностях Бии заставляют прозреть даже слепых, а половодье символизирует зарождение новой любви в душе лирического героя стихотворения.

В конечном счете, образно-эмоциональное восприятие двух великих рек Алтая Рубцовым воспроизводит разность характеров этих двух рек: светлая, отражающая небо Бия связана с истоками жизненной силы, любовью и рождением нового, тогда как свирепая шумная Катунь – с легендарными временами, вечностью, забвением и памятью одновременно.

Возвратимся к прозе. Рассказ М.С. Бубеннова «На Катунь» (1940) посвящен событиям гражданской войны на Алтае. Гидроним вынесен в название произведения и играет значительную роль в повествовании. Сцены борьбы красного партизанского отряда под командованием Дымова с белогвардейцами описаны в прибрежном пространстве реки Катунь – это правый, более низкий берег. Интересно, что в рассказе, помимо Катунь, есть еще реальные топонимы – это село Топольное, откуда прибегает к партизанам главный герой Ларька, и Беркутова гора. При этом Топольное находится в Солонешенском районе Алтайского края, и река, протекающая в этих местах, – вовсе не Катунь, а Ануй – тоже горный, но менее известный приток Оби. Беркутова гора же (Каракаш-Тау) есть и в Челябинской области, и в Крыму, и на Алтае (вблизи ледника Актру). Однако автору, судя по

всему, важно поместить события именно на Катунь, более того, сопроводить ассоциацией из стихотворения А.С. Пушкина «Ночной эфир...» (1824), где строка «*Шумит/Бежит/Гвадалквивир*» явно соотносится с Катунью. Такая «сконструированность» пространства и намеренные топографические «ошибки» автора позволяют предположить, что Катунь наделяется неким сакральным содержанием и построение нового мира и нового человека возможно только в таком месте.

Что может соединять Катунь и реку Гвадалквивир, протекающую в Испании? Помимо того, что это горные реки и что Пушкин символически наследуется представителями нового советского времени, а год написания рассказа соотносится с событиями гражданской войны в Испании, мы нашли еще одну параллель, связанную с орнитологической семантикой. Утки, обитающие в местах по Катунь (например, утка огарь красно-оранжевой окраски), мигрируют на зиму в дельту именно этой испанской реки [Флора и фауна Алтая, URL]. Орнитологическая символика (источник которой, как мы указали, может быть связан с алтайским эпосом) присутствует и в названии Беркутовой горы. Ларька в рассказе подчеркивает, что там «*беркутище*» живет. Кроме того, сам Ларька в доказательство своей взрослости приводит довод о том, что он «*трех селезней за весну убил*» (Бубеннов, 2012, с. 370), а белые, застрелившие Ларьку, «налетели» именно с Беркутовой горы. Таким образом, Катунь в рассказе становится точкой начала космогонического переустройства мира, создания нового строя через кровь и неискупимую жертву.

В 1962 году выходит в свет роман С.П. Залыгина «Тропы Алтая», в котором топонимические образы алтайской территории становятся знаками «обетованной земли» [Бедарева, 2017, с. 10]. И одним из первых таких знаков возникает река Катунь. Для Рязанцева, одного из главных героев романа, она являет собой границу (водораздел, пояс) между «нижним» миром (в зону которого входят Обь, Барнаул, Бийск, Сростки, объединенные общим знаком бестолковой повседневности) и «верхним» – Катунью, Семинским перевалом, деревенькой Усть-Чарой. Это пространство связано для Рязанцева с рубежными отрезками его жизни: он был здесь в детстве, в возрасте 15–16 лет (конец подросткового периода) и жаждет попасть сюда снова в возрасте «давно за сорок» после смерти близкого друга детства.

Главный поиск для героя – это не составление карты растительных ресурсов, а поиск самого себя, поэтому он так спешит соединиться с этим сакральным пространством. Вот как описываются алтайские реки в самом начале романа: «*Крутые, нестройно поющие*

волны и даже какая-то неопрятность реки: размываемый, тальниковый берег той стороны, клочья пены, мутные пятна в зеленой глубине – все было для него отрадным, и он безоговорочно отдал ей предпочтение перед Бией – та была и уютнее, и светлее: отстоялась в глубинах Телецкого озера, из которого брала исток своей. Та была быстрой, но быстрой размеренно и четкой в берегах своих. От нее нельзя было ждать каких-то перемен.

Катунь больше пришлась Рязанцеву по сердцу еще и потому, что она мчалась «оттуда» – оттуда, куда он так стремился, из его будущего, в котором он уже жил эти дни. Катунь еще больше взбудоражила его желание быть “там”» (Залыгин, 2012, с. 31).

И.А. Бедарева отмечает, что Катунь в романе Залыгина – это «река из будущего, того будущего, к которому стремится Рязанцев. Примечательно, что в соседних абзацах текста дается небольшая характеристика двух рек – Оби и Катунь, но насколько равнодушно относится Рязанцев к первой и испытывает восторг при виде второй. Интересно в этом плане описание Катунь и Би: возникает впечатление, что перед нами описание двух женщин, причем первая более привлекательна для героя, он отдает предпочтение именно ей, несмотря на «нестройность» и «неопрятность». В романе есть упоминания и других рек (Еруслан, Волга, Большой Иргиз, Большой Каралан, Большой Узень, Куба и другие), но такого трепета, как перед Катунью, герой не испытывает ни перед какой другой рекой» [Бедарева, 2017, с. 11]. Инициационный для Рязанцева путь, таким образом, задается именно Катунью, ее географической устремленностью вверх – к горным истокам. Важно, что герой двигается против течения реки, тем самым как бы возвращаясь к потерянному им первоначально жизни.

В геоэпике самого известного писателя Алтая В.М. Шукшина алтайские реки наделены не столь однозначной символикой. Так, в воспоминаниях матери Шукшина присутствует амбивалентная природа реки Катунь, которая и привлекает, и страшит одновременно. Мать писателя замечает: «Я всегда боялась Катунь и всячески старалась отвлечь Васю от нее, боялась, что вдруг да он простудится, или, не дай бог, утонет» [Он похож на свою родину, 1989, с. 15]. Сам Василий Шукшин не раз указывал, что его родное село Сростки – одно из красивейших мест на земле и нет «красивее реки, чем Катунь...» (Шукшин, 2014, т. 8, с. 201).

Конечно, речь идет прежде всего о низовьях Катунь, о месте, где она вот-вот должна соединиться с Бией и дать начало Оби. В самом Горном Алтае Шукшин практически не был. В письме И.П. Попову в

январе 1959 года он указывает: *«Я ведь в Горном почти и не был. Так... Жил одно время в Онгудае. Мало»* (Шукшин, 2014, т. 8, с. 238).

В художественной географии Шукшина огромное значение занимает другой гидроним – Волга (см.: [Богумил, Куляпин, Худенко, 2017]). Однако Катунь может выступать как изоморфным образом великой Волги-матушки (которой можно пожаловаться на судьбу или поплакать у ее берегов), так и персонифицированной сущностью красивой, но стержневой женщины (аналог шукшинских злых жен, тещ, продавщиц и др. женских – не материнских – персонажей). Так, исследователь Т.А. Воробьева указывает на гендерную семантику образа реки (и колодца) в прозе писателя [Воробьева, 2018, с. 145].

В рассказе «Игнаха приехал» (1963) главный герой *«вылез из воды и задумчиво стал смотреть на далекие синие горы, на многочисленные острова.*

– Катунь-матушка, – негромко сказал он.

Васька и отец тоже посмотрели на реку» (Шукшин, 2014, т. 1, с. 165).

В киноповести «Живет такой парень» (1964) Пашка Колокольников идет жаловаться к реке, *«что не везет ему с идеалом, никак не везет...»*. И получает от реки мудрый совет – *«жить все равно надо, даже если очень обидно»* (Шукшин, 2014, т. 1, с. 285).

В авторских отступлениях Катунь показана Шукшиным как река своенравная, переменчивая, воплощающая сложный, глубоко противоречивый характер самого жизненного потока. Перед этим потоком человек может только преклониться: *«И еще есть река на Алтае – Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет – рвется из гор. А то вдруг присмирееет в долине – тихо, слышно, как утка в затоне пьет, за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая – каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит только разок посидеть на берегу, когда солнце всходит... Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами»* (Шукшин, 2014, т. 1, с. 272).

Обращают на себя внимание авторские переработки вступления к киноповести. Фраза о том, что *«хочется почему-то очеловечить и дорогу, и реку. Местные поэты так и делают...»* в редакции 1964 года через одиннадцать лет меняется на следующее: *«Хочется очеловечить и дорогу и реку. Местные поэты так и делают. Но нельзя превозмочь красоту земную словами»* (Шукшин, 2014, т. 1, с. 388). Наиболее значимым здесь является состояние бессловесности человека перед великой красотой природы, писатель четко осознает малость и

предельность человека-демиурга (сколь бы талантлив он ни был) в сравнении с безграничными возможностями Первотворца.

Такой же гимн красоте катунской воды и одновременно – привыкшему к этой красоте человеку – создает Шукшин и в романе «Любавины» (1967): *«Надо знать <...>, как хороши предрассветный час на Катунь, как тих он притом, что Катунь кипит в камнях, надо видеть хоть один раз, как величаво и торжественно нисходит на землю молодой день, как играют на воде теплые краски зари, как чиста катунская вода, чтобы понять, с какой красотой знаком человек, к какой красоте он привык»* (Шукшин, 2014, т. 2, с. 274).

Примечательно, что в первой книге романа река носила название Баклань (очевидно, от топонима «Баклань» – так называлась старая часть села Сростки около горы Пикет, где и прошло детство Шукшина). Баклань характеризуется как *«бешенная», «беспокойная», она «ворочает и крошит синий лед»* (Шукшин, 2014, т. 2, с. 10).

Таким образом, в мифогеографии Шукшина река показана как амбивалентный символ, в мифопоэтическом плане она восходит к архетипу женщины в ее двух крайне противоположных ипостасях – матери-защитницы и девы-жены-искусительницы. Река для шукшинского героя – это место выбора пути, осознания сложных поворотов своей судьбы.

В конце XX – начале XXI века интерес к символике и мифологии алтайских рек не ослабевает. В творчестве поэтов Алтай Владимира Башунова, Юрия Жильцова, Владимира Новикова, Людмилы Белоусовой возникают образы Бии и Катунь как знаки особых – пороговых – вех в судьбе творческой личности.

Так, стихотворение В.М. Башунова, уроженца Турочакского района Республики Алтай, «Бия» (1975) представляет собой развернутую этимологическую метафору слов «река-речь». Бия ассоциируется у поэта со *«сверкающей речью»*, с *«купелью»* и *«колыбелью»*. Семантика этих символических образов указывает на тесную завязь двух тем – природного и творческого начал в человеке. Речь человеческая уподобляется говору реки, как купель и колыбель – водному нескончаемому истоку, осмысленному как Всеобщий источник появления жизни и духовности. Не случайно переплыwanie реки Бии с правого берега на левый ввергает героя стихотворения в состояние беспамьятства (*«Почти без памяти, без мысли упасть на галечный откос»* (Башунов, 2007, с. 16)), которое сродни предрожденческому. Помимо Бии, частотно встречающий гидроним у поэта – река Лебедь, приток Бии.

Нельзя утверждать, что в художественном творчестве В. Башунова река воспринимается только в этом ключе. С.В. Кулешова указывает, например, что в стихотворении «Бия» река персонифицирована в образе «нимфы лесной», наделенной «русалочьими» чертами: *«Вглубь заманила меня, заласкала / и погубила»* (цит. по: [Кулешова, 2013]). Таким образом, контекстуально и Царевна-Лебедь, и Русалка становятся сказочными прообразами для обрисовки разных рек Алтая, организуя художественное пространство умирания и воскрешения героя в единое целое.

Стихотворные тексты Ю.И. Жильцова, посвященные алтайским рекам, входят в сборник «Мое Беловодье» (2005) (Жильцов, 2007, с. 73–88). Уже само название сборника относит читателя в область мифопоэтического. В стихотворениях «Голубая Катунь», «Бия долго собиралась...», «Алтайские реки» дано своеобразное осмысление основных мифологем Алтая. Так, в первом тексте Катунь сравнивается с резвым быстрым скакуном, который убегает от горных духов и *«по пути дань водой собирает»*. Эта традиция уже намечена в начале XX века в творчестве Г.А. Вяткина и восходит, как мы указали, к кочевому образу жизни тюркских народов. Кроме того, Катунь вписывается автором в исторические времена чингизитов, чье нашествие изменило «этническое лицо» региона.

В стихотворении «Алтайские реки» воссоздана семейно-родовая легенда о двух сестрах, которые, двигаясь навстречу друг другу, образовали реку Обь. Катунь принесла *«дар снегов»*, а Бия, убежав из *«озера Телесов»*, продолжает хранить его священную воду.

Необычный природный феномен, порожденный пересыханием в некоторых местах узкого русла реки Катунь в период осени, отражен в поэтическом тексте Л.Ф. Белоусовой «Голубые глаза Катунь» (Белоусова, 2013). Речь идет о возникающих в начале осеннего сезона двух-трех озерах на месте измельчавшей реки, которые остаются всю зиму незамерзающими. Бирюзовый цвет воды в этих водоемах и их уникальная прозрачность дорисовывают сказочно-мифологическую картину глаз-озер красавицы-Катуни.

Разумеется, мифологические и символические смыслы алтайских рек не исчерпываются указанными произведениями. Есть достаточное количество текстов, где известные авторы репрезентируют и другие гидронимы. Например, это ранний литературно-этнографический очерк Г.Д. Гребенщикова «Река Уба и убинские люди» (1914), это стихотворение Р.И. Рождественского, посвященное одному из притоков Оби, – «Речка Иня» (1955). Для поэзии Рождественского в целом характерна семантическая связь «родина – вода», явленная в

образах реки, дождя, снега, что прозрачно отсылает нас к метафоре малой родины как истока. Этот тезис подробно разворачивается в размышлениях С.М. Козловой [Козлова, 2002].

Наконец, белым пятном в литературоведении остается вопрос о том, какое влияние оказала и оказала ли топонимика Алтая на Н.А. Заболоцкого, который, находясь именно в этих местах, закончил перевод «Слова о полку Игореве». Одним из важнейших элементов этого эпоса является, как известно, описание реки, где, быть может, в метафорах, рисующих Дон, – «зашумели ветры у реки», «мутно реки быстрые текут», «туманы у реки» из плача Ярославны (Слово о полку Игореве, URL) – есть отпечаток и алтайских речных пейзажей. Но это тема уже отдельного исследования.

Литература

- Бедарева И.А. Алтай как обетованная земля в романе С.П. Зальгина «Тропы Алтая» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). В 4 ч. Ч. 1.
- Бедарева И.А. Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2011.
- Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Геопоэтика В.М. Шукшина. Барнаул, 2017.
- Воробьева Т.А. Гендерная семантика реки и колодца в прозе В.М. Шукшина // Филология и человек. 2018. № 1.
- Козлова С.М. Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2002. Вып. 1.
- Кулешова С.В. Мотивно-образный комплекс «вода» в лирике В.М. Башунова // Филология и литературоведение. 2013. № 2.
- Мифы народов мира: в 2-х тт. М., 2000. Т. 1.
- «Он похож на свою родину»: земляки о Шукшине. Барнаул, 1989.
- Осипов А.И. Алтайский текст в элегии Н. Рубцова середины 1960-х гг. («Шумит Катунь») // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2.
- Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992.
- Тадина Н.А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири. СПб., 2007.
- Худенко Е.А. Алтай и Крым: геопоэтические перекрестки // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60).
- Флора и фауна Алтая. [Электронный ресурс]. URL: <http://galt-auto.ru/publ/169-1-0-965> (дата обращения 07.06.2018).

Список источников

- Башунов В.М. Бия // Башунов В.М. Стихотворения. Барнаул, 2007.
- Белюсова Л.Ф. Голубые глаза Катунь // Любовь и боль моя, Россия. Бийск, 2013.
- Бубеннов М.С. На Катунь // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 3.

Вяткин Г.А. Катунь // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 2.

Жильцов Ю.И. Мое Беловодье // Жильцов Ю.И. Свидание с памятью. М., 2007.

Залыгин С.П. Тропы Алтая // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 4.

Казанский П.А. Рождение Оби // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 2.

Легенды и мифы Седого Алтая. Горно-Алтайск, 2008.

Рубцов Н.М. Весна на берегу Бии. Шумит Катунь // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 4.

Слово о полку Игореве. Перевод Н.А. Заболоцкого. [Электронный ресурс]. URL: <http://old-russian.chat.ru/08slovo.htm> (дата обращения 07.06.2018)

Феофелаков В.И. Легенды Алтая. Бийск, 2013.

Чорос-Гуркин Г.И. Алтай и Катунь. Мой Алтай. [Электронный ресурс]: URL: <http://planetaludey.com/biblioteka/g-i-choros-gurkin-altay-i-katun-ocherk.html> (дата обращения 07.06.2018)

Шишков В.Я. На Бии // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: Антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2012. Т. 2.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Барнаул, 2014.